

A man and a woman are shown in a romantic embrace, kissing. They are both shirtless and have glowing, swirling energy cores visible on their chests. The woman's long blonde hair is blowing in the wind. They are floating in the air above a city skyline at sunset. The sky is filled with stars and nebulae, suggesting a cosmic or supernatural theme. The overall tone is dramatic and romantic.

Девушка ловушка

Александр Эрот

18+

Александр Эрот

Девушка ловушка

«Автор»

2026

Эрот А.

Девушка ловушка / А. Эрот — «Автор», 2026

В маленьком городе, где комбинат за рекой отравляет воздух, а люди боятся смотреть друг другу в глаза, существует негласное правило: на Лизу нельзя смотреть дольше трёх секунд. Никто не помнит, кто его придумал. Говорят, её красота — это проклятие, которое сжигает каждого, кто осмелится увидеть её настоящей. Гриша нарушил правило в четверг, в семнадцать сорок. Он досчитал до трёх — и не отвёл глаза. На четвёртой секунде он увидел то, чего никто не рассказывает, потому что рассказать это невозможно, а можно только пережить. Он увидел, что она — не отражение. Отражение — это мы. Теперь в городе пропало четверо, зеркала в парикмахерской висят завешенные простынями, а Гриша пишет всё это в тетради, сидя на полу в квартире без единого стекла. У него осталось не так много времени, и кто-то же должен наконец объяснить, откуда взялось их правило. Это эротическая история о любви, которая сильнее страха, о красоте, способной переписать саму реальность.

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	6
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Эрот

Девушка ловушка

Пролог

Ему снилось, что он падает... Но это было не падение, а полёт. Мягкий, невесомый, словно его несёт тёплый ветер летней ночи.

Вокруг клубился туман, переливающийся всеми оттенками розового и золотого. И в этом тумане появилась ОНА. Не лицо, не тело — сначала просто ощущение присутствия. Тёплое дыхание на коже, шёпот, похожий на шелест шёлка.

Она приблизилась, и когда их губы встретились, мир взорвался тишиной. Это был поцелуй, в котором слились все его несбывшиеся мечты, все его тайные желания. Её руки скользили по его телу, как вода, как музыка, как само время, решившее остановиться ради этого мгновения.

Он чувствовал, как границы между ними стираются. Где заканчивался он и начиналась она? Их тела переплелись в танце древнем, как мир. Каждый вздох, каждое прикосновение было откровением. Она шептала его имя, и это имя звучало как молитва, как заклинание, как обещание вечности.

Вдруг девушка стала реальной, её лицо было до боли знакомым, но я не мог вспомнить. Девушка разделась и стала передо мной на колени, резко стянула трусы любуясь возбуждённым мужским естеством, она обхватила его губами и начала медленно двигаться, попутно лаская пальцами. Она, глядя мне в глаза начала постепенно ускоряться.

Боль и наслаждение, страх и доверие — всё смешалось в едином порыве.

И когда волна достигла пика, я понял: это не просто сон. Это послание. Предчувствие. Обещание того, что где-то там, за гранью реальности, его ждёт та, с кем он сможет испытать это наяву.

Я проснулся с её именем на губах. И с твёрдой уверенностью: он найду её.

Глава 1.

В нашем городе есть негласное правило: на Лизу не смотрят дольше трёх секунд.

Никто не помнит, кто это придумал. Правило просто есть, как есть комбинат за рекой, как есть привычка не пить воду из-под крана в апреле. Продавщица в «Магните» отсчитывает сдачу, глядя ей в подбородок. Водитель сто седьмого маршрута смотрит строго в зеркало, даже когда она платит наличными. Мальчишки у гаражей замолкают, когда она проходит, и начинают говорить громче обычного, только когда её каблук стихнут за поворотом, — и говорят они уже о чём-то другом, о чём угодно, лишь бы не о ней.

Я нарушил правило в четверг, шестнадцатого октября, в семнадцать сорок.

Я досчитал до трёх — и не отвёл глаза.

Наверное, стоит объяснить, откуда взялось это суеверие, но правда в том, что объяснений слишком много, и все они плохие. Говорят, в девяносто восьмом на неё засмотрелся инженер Пахомов и в тот же вечер шагнул с моста — хотя Лизе тогда было семь лет, и она вообще жила у бабки в Сызрани. Говорят, её мать была красивее, и то, чем это кончилось, до сих пор стоит заколоченным домом на Луговой, и никто не покупает участок даже за бесценок. Говорят, у неё на затылке, под волосами, есть второе лицо, и оно спит.

Люди в маленьких городах любят объяснять красоту через беду. Иначе с ней невозможно жить рядом.

Но вот что я знаю точно, без «говорят».

Я знаю, что у нас в школе на выпускном фотографе трижды пришлось переснимать общий кадр, потому что на плёнке её место оказывалось пустым, — и я сам держал эти три негатива на просвет, и там, где стояла Лиза, была прореха, аккуратная, как вырезанная маникюрными ножницами.

Я знаю, что в её квартире на четвёртом этаже нет ни одного зеркала. Даже в ванной. Даже маленького.

И я знаю, что в тот четверг она сама подошла ко мне у остановки, поставила сумку на мокрый асфальт и сказала — тихо, буднично, как просят прикурить:

— Посмотри на меня. Пожалуйста. Долго.

Дождь шёл косо, мимо, будто боялся её задеть. От комбината тянуло горелой известью. Я поднял глаза.

Первая секунда: она была красива так, как бывают красивые вещи, которые нельзя описать словом «красиво» — грозовое небо над степью, лицо чужой матери на старой фотографии, последняя нота, когда её уже нет, но она ещё звучит.

Вторая секунда: мне стало страшно, и я понял, почему город придумал своё правило. Не потому, что она опасна. А потому, что смотреть на неё — это как заглянуть в очень глубокий колодец и услышать, что оттуда кто-то смотрит в ответ, и он там давно, и он там один.

Третья секунда: я хотел отвернуться. Клянусь, хотел.

На четвёртой я увидел то, что видят все, кто нарушает правило, — и чего никто не рассказывает, потому что рассказать это невозможно, а можно только пережить.

Я увидел, что она — не отражение. Отражение — это мы.

Лиза выдохнула. Медленно, как человек, который очень долго держал что-то тяжёлое и наконец поставил.

— Ну вот, — сказала она. — Двенадцать лет. Ты первый.

Подняла сумку. Отряхнула ладонь о плащ.

— Теперь тебе придётся идти со мной, Гриша. Извини. Я правда не хотела, чтобы это был ты.

И я пошёл — хотя ноги были чужие, хотя дома у меня остывал ужин и мать в третий раз набирала мой номер, хотя всё во мне кричало «беги». Пошёл, потому что уже знал: тот, кто посмотрел на Лизу Верейскую дольше трёх секунд, обратно не отворачивается никогда.

Это было девять дней назад.

С тех пор в городе пропало четверо, зеркала в парикмахерской на Советской висят завешенные простынями, а я пишу всё это в тетради за девятнадцать рублей, сидя на полу в квартире без единого стекла, — и пишу быстро, потому что у меня осталось не так много времени, и потому что кто-то же должен наконец объяснить, откуда взялось наше правило.

Свет в комнате, где я оказался, был особенным — густым, словно патока, стекающей по стенам, которые давно забыли, что такое отражения. Здесь время не измерялось минутами. Оно измерялось глубиной вдоха.

Я сидел на полу, прислонившись спиной к шершавой штукатурке. Передо мной лежал лист бумаги, купленный в том самом киоске за девятнадцать рублей, — жалкий контраст с той бездной, в которую я провалился. Лиза была рядом. Она не сидела, она существовала как вибрация воздуха, как предвкушение грозы, которая никогда не прольется дождем.

Мое тело казалось мне чужим, словно я был костюмом, который кто-то заботливо, но торопливо сшил из моих воспоминаний. Руки слушались с трудом, но я писал. Я писал о её матери, о той роковой красоте, что стала проклятием, и с каждой строчкой я чувствовал, как реальность, которую я знал, истончается.

Лиза подошла ближе. Я слышал шорох её одежды — этот звук был похож на шепот сухих листьев. Она опустилась на колени напротив меня, и в полумраке комнаты её лицо казалось высеченным из лунного света. Она не смотрела на меня, она смотрела сквозь меня, изучая структуру моей воли.

— Ты боишься не меня, Гриша, — прошептала она. Её голос был бархатным, с легким привкусом пепла. — Ты боишься того, что ты увидел в моих глазах. Ты увидел свободу, от которой у тебя кружится голова.

Она протянула руку и коснулась моих пальцев. Её кожа была прохладной, почти нереальной, но от этого касания по моим венам разлился ток, горячий и неумолимый. Я перестал писать. Тетрадь соскользнула с колен, ударившись о пол глухим звуком, который прозвучал как выстрел в тишине этой квартиры.

Она придвинулась ближе, и я почувствовал аромат её кожи — это был запах девушки. В этот миг правила города, комбинат, страх — все это перестало существовать. Осталась только она, её губы, едва приоткрытые, и глаза, в которых отражались не стены, а бесконечные звездные системы.

Я медленно, словно во сне, потянулся к ней. Мои пальцы коснулись её плеча, скользнули по её груди, чувствуя под тонкой тканью плаща трепет её кожи. Она не отстранилась. Она подалась навстречу, сокращая то последнее расстояние, которое еще отделяло нас от истины.

Её поцелуй был первым актом моего бунта. В нем не было нежности привычных свиданий — в нем была жажда разрушения и созидания одновременно. Я целовал её, вбирая в себя её горечь и её свет, чувствуя, как границы моего «я» стираются, как если бы я растворялся в её глубоком колодце. В этот момент мы стали единым целым — двумя беглецами из мира, где красоту принято бояться, а страсть — прятать под простынями.

Её руки, легкие, как крылья ночных птиц, блуждали по моей спине, заставляя меня забыть о гравитации. В комнате стало жарко. Мы были на грани двух миров: того, где всё подчинено негласным запретам, и того, где возможно всё, что способно вообразить человеческое сердце.

Каждое её движение было осознанным танцем, священнодействием, в котором не было места стыду. Она знала, что делает. Она снимала с меня слои городского оцепенения, слой за

слоем, оставляя лишь обнаженную правду наших тел. Мы переплелись так тесно, что невозможно было сказать, где заканчивается её дыхание и где начинается моё.

Любовь в этой пустоте была единственным способом доказать, что мы живы. Когда наши тела вошли в этот ритм — медленный, тягучий, как само время в этой квартире, — я понял, почему Лизу боялись. Любовь такой силы не оставляет места для страха. Она сжигает всё лишнее, оставляя только суть.

Мы забыли об окнах, о зеркалах, о том, что где-то там, за порогом, город продолжает бояться своего собственного отражения. Лиза стонала — тихо, почти беззвучно, — и в этом стоне я слышал эхо всех тех лет, что она провела в изоляции. Она искала во мне подтверждение того, что она существует, что она не просто прореха на плёнке, не просто пустота.

Я отвечал ей всей своей страстью, всем тем накопленным за годы ожиданием, которое выплеснулось в этот вечер. Это была не просто плотская близость. Это был акт доверия, предельная открытость, которой не требовалось слов. В темноте, без зеркал, мы видели друг друга яснее, чем при самом ярком свете дня. Мы видели души, обнаженные и жаждущие.

Она разделась и оказалась сверху, расстегнула брюки и нежно направила меня, я вошел в неё, увидев мои неумелые действия, она зафиксировала мои руки, и сама начала задавать темп, я кончил быстро, и сказал. Ты у меня первая, в ответ она обняла меня.

Когда всё стихло, мы лежали на полу, глядя в потолок, где тени сплетались в странные, почти живые узоры. Лиза положила голову мне на грудь, и её волосы, мягкие и прохладные, щекотали мою кожу.

— Теперь ты знаешь, — тихо сказала она. — Ты посмотрел не только на меня. Ты посмотрел в себя.

И я понял: она была права. Это не было проклятием. Это было приглашение. Приглашение выйти за пределы того, что город называл жизнью, и начать свой собственный путь, где каждое слово, каждое движение и каждое касание — это создание новой реальности.

Я поднял руку и коснулся её лица. Теперь я не боялся. Я знал, что произойдет дальше. Мы были в начале долгого пути, и этот путь требовал от нас полной потери себя ради того, чтобы стать кем-то иным.

Я посмотрел на неё — на этот раз осознанно, не считая секунд, понимая, что теперь я смотрю не на девушку, а в бесконечность. И она улыбнулась. Это была улыбка человека, который наконец-то обрел равного.

Мы остались лежать в тишине, слушая, как за стенами этой квартиры, в мире, который всё еще жил по правилам, медленно начинает рушиться всё то, что не было выстроено на любви. Гриша, написавший эти строки, больше не был тем человеком, который боялся смотреть на Лизу. Он был её соавтором в создании истории, которую город никогда не сможет прочесть до конца.

Глава 2

Комната, лишённая зеркал, казалось, начала пульсировать в такт нашим сердцам. Тени по углам жили своей жизнью, подрагивая, словно натянутые струны, готовые отозваться на любой звук. Лиза поднялась, её движения были плавными, как у пантеры, вышедшей на охоту за смыслом. Она подошла к окну, за которым город тонул в осенней хмари, и коснулась стекла кончиками пальцев. Стекло не отозвалось — оно не отразило её, оно лишь поглотило её силуэт, превратив в темную прореху в пространстве.

— Моя мать, — произнесла она, не оборачиваясь, — была женщиной, которая слишком сильно любила отражения. Она верила, что если смотреть в зеркало достаточно долго, можно увидеть не то, что ты есть, а то, чем ты могла бы стать. Она искала идеальную версию себя, пока однажды зеркало не решило, что она достойна того, чтобы стать его частью.

Её голос звучал отстраненно, как будто она читала древний свиток. Я поднялся с пола, чувствуя, как внутри меня рождается новое, пугающее знание. Мир, который я знал, начал терять свои очертания. Лиза обернулась. В её глазах — тех самых, которые я перестал бояться, — горел тихий, почти болезненный свет.

— Она оставила мне этот дом как тюрьму, — продолжила Лиза. — Но она не знала, что заперла не меня. Она заперла ту силу, что тянется к нам из-за грани. Город придумал правило, чтобы просто не сойти с ума, не увидеть, что комбинат за рекой — это не завод, а шрам на ткани реальности. Когда люди смотрят на меня больше трех секунд, они видят не мою красоту. Они видят, как их собственное отражение начинает отслаиваться от них, стремясь заполнить ту пустоту, что оставила после себя моя мать.

Я подошел к ней, сокращая расстояние. Теперь, когда между нами не было тайны, каждое наше соприкосновение казалось электрическим разрядом. Я чувствовал, как воздух вокруг неё вибрирует от напряжения. Я взял её за руки — они были ледяными, но когда я прижал их к своей груди, то почувствовал, как тепло моего тела перетекает в неё, оживляя, возвращая в этот мир.

— Ты не одна, — сказал я, и мой голос прозвучал твердо, как приговор. — Ты больше не одна.

Лиза медленно опустилась на старую кровать, стоявшую в центре комнаты. Я последовал за ней. В этот момент она выглядела хрупкой, почти прозрачной, словно фарфоровая кукла, которую боятся разбить. Я начал расстегивать её халат, и каждое движение было наполнено осознанностью. Я хотел доказать ей, что она реальна, что она осязаема, что в моих руках она не исчезнет, как пустой негатив на просвет.

Мы слились в объятиях, и в этот раз это было похоже на молитву. Мои губы касались её груди, её плеч, впитывая в себя аромат дождя и чего-то неуловимого, первобытного. Она выгнулась навстречу мне, и в её глазах, распахнутых и полных слез, я увидел отражение самого себя — но не того Гриши, что был до четверга, а кого-то, кто наконец-то проснулся.

Её кожа была бархатной, отзывающейся на каждое прикосновение жаром. Я целовал её, медленно, смакуя каждый миллиметр, изучая контуры её тела, как карту неизведанной страны. Её пальцы впились в мои волосы, удерживая меня между ног, от её аромата кружилась голова, она подсказывала мне, и я выполнял языком всё, что она скажет. Потом она оказалась в позе наездницы, и начала задавать темп, всё время ускоряясь, внезапно её затрясло, и я понял, она достигла пика удовольствия. Я начал двигаться сам, и тоже забился в конвульсиях под ней.

Любовь в этой комнате была единственным, что имело смысл. Мы создавали свою вселенную, отделенную от остального города стеной забвения. Лиза стонала, и каждый её вздох был освобождением от лет молчания. Она открывалась мне, как раскрывается ночной цветок под луной, отдавая свою печаль и принимая мою жажду жизни. Мы были двумя зеркалами,

направленными друг на друга, и между нами рождался свет такой чистоты, что он освещал всё вокруг, вытесняя тени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.